

Вернувшись в дом на горе, заняты оказались все, даже Юаньдин и Гуаньбао. Они уселись рядом с ещё не разгруженными деревянными санями и с важным видом принялись пробовать всё подряд, каждую диковинку, которой прежде никогда не видели и не ели. Добычи оказалось так много, что у детей буквально разбегались глаза.

Жун Фэну предстояло расчистить снег во дворе и на горной тропе. За прошедший месяц сугробы намело почти по колено, а на крыше слой снега был особенно тяжёлым. Если его не убрать, черепица могла не выдержать.

У Бянь Хуна забот было ещё больше. Он протопил дом, тщательно вымел каждый угол, вытер бамбуковую циновку на кане так, что на ней не осталось ни пылинки, а затем занялся разбором припасов, принесённых из гор. Названий многих он даже не знал, поэтому то и дело, раскладывая еду, окликал Жун Фэна, который чистил снег снаружи. В конце концов Жун Фэн отложил деревянный скребок и вернулся в дом. Вдвоём им было удобнее тесниться на кухне, разбирая и сортируя добычу одну вещь за другой. Вскоре Бянь Хун управился с шишками, подаренными обезьяньей стаей, и отнёс все орехи в небольшую пристройку с настилом за фруктовыми деревьями во дворе, решив заняться их очисткой и обжаркой, когда появится свободное время.

Однако среди всего этого Бянь Хун нащупал ещё несколько желтовато-белых овальных клубней. Честно говоря, они напоминали таро. Бянь Хун здесь таро никогда не видел, потому даже обрадовался находке и, держа их в руках, окликнул Жун Фэна, который на кухне укладывал припасы в плетёную корзину.

— Посмотри, это таро?

Жун Фэн на мгновение обернулся:

— Нет, это тяньма.

— Её нельзя есть?

— Это лекарство.

Бянь Хун слегка разочаровался:

— От чего она?

Руки Жун Фэна на секунду замерли, затем он опустил голову и высыпал в большой котёл с кипящей водой дикие грибы и мхи, предназначенные для варки.

— От судорог и испуга. Помогает заснуть.

Выслушав это, Бянь Хун сжал в руках редкие кусочки тяньмы и остановился в дверях. Он ничего не сказал. Сквозь поднимающийся пар он не мог разглядеть лица мужчины, но воздух между ними был тихим, плотным и словно наполненным сдержанным, чуть неловким теплом.

Бянь Хун понял: это лекарство было заготовлено для него. Пусть они знали друг друга совсем недолго, но кое-что он уже начал чувствовать. Этот мужчина говорил мало, он просто молча делал. Он был совсем не похож на шумных, суетных людей из прежнего мира. Он мог тихо стоять на месте и при этом, встретив гору, прорубал путь в горе, встретив воду - наводил мост. Мощное тело становилось балкой и опорой, широкие ладони разжигали очаг и кололи дрова.

Тростник гибок, но прочен, скала недвижима и неизменна.

У Бянь Хуна вдруг возникло желание сделать шаг в сторону кухни, подойти ближе. Но, поколебавшись, он всё же остался на месте. Лишь неожиданно, не к месту и не к времени, произнёс:

— Вечером будем есть тушёную рыбу и каштаны... сделаю лепёшки.

Жун Фэн ответил, глядя на уже отвернувшегося в сторону Бянь Хуна:

— Хорошо.

И почти сразу из кухни донеслось шипение - рыба легла в раскалённое масло. За ней по очереди вступили лук, имбирь и бадьян, соединяясь в общем котле, где рождался густой, ароматный отвар. Вкусов у человеческой жизни сто, и все не перечислить, но сейчас самым важным был вкус рыбного супа.

Когда день почти склонился к ночи и ужин остался позади, Бянь Хун наконец закончил все свои дела. Жун Фэн же, убрав снег, успел ещё наколоть целую стену дров. В этом году людей в доме стало больше, готовили чаще и разнообразнее, да и мяса предстояло коптить немало - дрова уходили быстро. К счастью, силы у него, казалось, не могли иссякнуть.

Юаньдин и Гуаньбао уже лежали на тёплом кане, полузакрыв глаза и сонно клюя носами. Рыбный суп за ужином оказался слишком вкусным, а каштановые лепёшки - слишком сладкими. Сытые и успокоенные, дети наконец могли как следует выспаться.

Бянь Хун сидел у очага, перебирая в уме разные мысли. Когда Жун Фэн, помывшись, вернулся в дом, он всё-таки заговорил:

— Я хотел бы одолжить у тебя кое-что.

Жун Фэн на миг опешил. Что у него можно одолжить? Вдали от людского мира, в глухих горах ни просторных хором, ни высокого чина, ни богатства. Одолжить было, по сути, нечего. Он

обдумал это вдоль и поперёк и осталось лишь одно: собственная жизнь.

Немного поразмыслив, он с серьёзным видом кивнул:

— Можно.

Бянь Хун с облегчением выдохнул:

— Вот и хорошо. Я хотел бы занять немного зерна и мяса и отнести дяде из семьи Минь, что живёт в деревне. В этом году особенно холодно, боюсь, им будет трудно пережить зиму.

Мужчина, вытиравший волосы, замер. Вода с жёстких прядей капала вниз, и из-за того, что просьба молодого ланьцзюня оказалась столь далёкой от его ожиданий, он на какое-то время не нашёлся, что ответить.

Бянь Хун решил, что в голодный год еда слишком дорога, чтобы ею делиться, и потому добавил:

— Весной, когда сойдёт снег, я пойду на заработки или буду пахать землю, тогда всё верну.

Но Жун Фэну это и впрямь показалось пустяком.

— Отдать им еду правильно. Свои берут и дают, не говоря о возврате. Раньше я просто не настаивал, потому что думал, будто у тебя с ними плохие отношения, будто с тобой там обращались жестоко. Ведь никто не захочет...

Он не договорил, но Бянь Хун понял, что он имел в виду.

В деревнях Наньци и в Шаньюй бедствие ещё не дошло до той степени, чтобы люди меняли детей на еду. Стоило лишь пережить зиму и с приходом весны, даже без зерна, всё, что пробуждалось в земле: травы, дикорастущие растения, грибы, - могло прокормить человека. Поэтому всякая семья, у которой ещё оставалась возможность выжить, не стала бы принимать зерно в обмен на то, чтобы выдать девушку за него. Даже он сам поначалу решил, что мать просто шутит и не стал перечить ей, больной и при смерти. Но кто бы мог подумать, что найдётся такой, как Ли-санлан, который ради пригоршни проса собственными руками толкнёт дочь в огненную яму.

Он полагал, что и в семье Минь, вероятно, с Бянь Хуном обращались так же - принуждали, вынуждали...

Бянь Хун кочергой пошевелил угли в очаге, и в доме стало теплее. И тут Жун Фэн неожиданно поднял глаза - в полумраке огня вырисовывался силуэт молодого ланьцзюня.

— Это было моё собственное решение.

Жун Фэн напрочь забыл, что собирался вытирать волосы. В конце концов он лишь, словно неуклюжий медведь, потряс ещё влажной головой, последовал за Бянь Хуном и стал помогать ему на кухне складывать еду для семьи Минь, которую предстояло отнести на следующий день.

Бянь Хун брал каждого понемногу, выбирая лишь самое сытное и практичное. Он не считал нужным делать так, чтобы они жили в роскоши: помочь пережить эту зиму и того достаточно, это уже знак участия и долга. Кто бы мог подумать, что Жун Фэн будто бы не тем местом сообразит: он норовил положить в мешок всё самое лучшее. Даже одну из немногих замороженных рыб попытался туда запихнуть, и Бянь Хун едва успел его остановить.

— Не надо, не надо, — сказал он. — Зерна и копчёной свинины вполне достаточно.

— Ничего, — спокойно ответил Жун Фэн. — Не хватит, снова в горы пойду, добуду.

Бянь Хун нахмурился: на носу был самый разгар зимы, вот-вот начнутся снегопады, которые запрут горы, какая уж тут охота. Лишь пройдя с ним один раз, он по-настоящему понял, насколько тяжёл и опасен зимний обход. Да и то тогда они дошли лишь до половины пути к центру горы Мэмэн; если идти по всему маршруту, то и весной на это ушло бы два-три месяца.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Больше я всё равно не унесу.

Только тогда Жун Фэн остановился и, повернув голову, спросил:

— А разве мне не следует тебя проводить?

Бянь Хун слегка подтолкнул его, сам наклонился и заново аккуратно переложил отобранные припасы. Тоже мне, вдвоём идти - будто в родительский дом с визитом собрались!

— Иди сначала в дом, вытри волосы, — добавил он. — А то сейчас совсем задубеют.

В кладовой, где хранились продукты, кроме очага, не было печи: если зимой температура поднимется, картофель и прочие корнеплоды начнут гнить или прорасти, да и мясо быстро испортится. Поэтому, когда Жун Фэн вернулся в дом, он и вправду обнаружил, что не высохшие волосы на спине смерзлись в твёрдый ком. Пришлось встать у печи и ждать, пока заледеневшие пряди понемногу оттают.

Однако он по-прежнему следил за каждым движением молодого ланьцзюня, пока тот не управился с делами, не вернулся в дом, не снял обувь, носки и ватник и не забрался на тёплый кан.

Неизвестно, оттого ли что он слишком долго просидел на корточках на кухне, но в тот миг, когда Бянь Хун, поджав колени, взобрался на кан, у него вдруг резко свело мизинец на ноге. Он едва не потерял равновесие, шипя от боли, и опустился на бамбуковую циновку. Жун Фэн среагировал мгновенно: в два шага оказался рядом, одной рукой подхватил ногу Бянь Хуна и, разминая ладонью сухожилия у ступни, осторожно потянул сведённые судорогой пальцы.

Через короткое время боль отступила, пальцы встали на место. Бянь Хун перевёл дух, осторожно сжал и разжал пальцы, после чего поспешно отдернул ногу. Его ступни нельзя было назвать красивыми. Когда-то, в детстве, в приюте, они, возможно, были белыми и нежными, с тонкой кожей. Но теперь от того не осталось и следа: подошвы и пятки покрылись толстыми мозолями, а большой палец был изуродован - на войне его пронзили копьём, тогда ноготь сорвало целиком. Пусть он и отрос со временем, но стал лишь вполовину меньше прежнего.

Это нога, закалённая ветрами и страданиями, смотреть там было не на что.

Бянь Хун сжался и поспешно убрал ногу, но грубые пальцы мужчины скользнули вдоль щиколотки, по синеватым прожилкам сосудов, почти не касаясь кожи, оставляя за собой едва уловимую, тянущуюся цепочку ощущений.

Жун Фэн почувствовал, как онемела ладонь, как вместе с ней онемела и ещё влажная кожа головы, будто это онемение было связано тонкой нитью и тянулось прямо к сердцу. Он поспешно отвернулся, скрывая внезапную неловкость, и порадовался тому, что масляная лампа в комнате уже погашена, а остаётся лишь мутный, колышущийся свет очага.

Прошло немало времени, прежде чем с тёплого кана позади донёлся тихий шорох: молодой ланьцзюнь, крадучись, перешагнул через уснувших детей и осторожно вернулся под одеяло.

Жун Фэн с облегчением выдохнул и остался сидеть у очага, подсушивая волосы. Он сидел так долго, с беспорядочными мыслями в голове, пока за спиной не установилось ровное, глубокое дыхание, и лишь тогда, поколебавшись, лёг под одеяло.

Когда он устроился поудобнее, лежавший рядом Гуаньбао, почувствовав исходящее от старшего брата горячее тепло, сонно потянулся к нему, причмокивая губами, и уткнулся в грудь Жун Фэна. Тот по привычке раскинул руки, принимая ребёнка, и лишь тогда осознал, что такая жизнь длится совсем недолго, а он уже успел измениться до неузнаваемости. Поистине, всё в мире переменчиво.

Он невольно прикинул ширину своих плеч и длину рук и вдруг пришёл к выводу: их как раз хватает, чтобы укрыть рядом сразу троих - одного большого и двух маленьких братьев.

Впрочем... плечи у молодого ланьцзюня узкие, худые. Пожалуй, его можно было бы прижать и покрепче...

На следующий день, отправляясь в дом семьи Минь, чтобы отнести зерно, Жун Фэн всё-таки пошёл вместе с Бянь Хуном. В снег дорога тяжела, мешки тяжёлые, и хотя Бянь Хун с детства не любил просить помощи, он и не был из тех, кто упрямо геройствует: безопасность важнее всего.

Перед уходом он приготовил для Юаньдина и Гуаньбао еду на утро и вечер, чтобы, проголодавшись, они могли просто приподнять крышку котла и поесть готовое. Огонь в очаге и горячая вода позволяли блюдам, укрытым под бамбуковым пологом, долго оставаться тёплыми.

Двое детей сначала хотели пойти вместе с братом Си, но, увидев в котле дымящиеся пампушки с финиковой начинкой и крольчатину, тушёную с каштанами, с радостью согласились остаться дома. Бянь Хун не волновался: путь туда и обратно недолгий - выйдут утром, а к полудню уже смогут вернуться. К тому же дети из бедных семей рано взрослеют: Юаньдин не только умел присмотреть за Гуаньбао, но и научился в голодные годы избегать опасностей и находить пищу - так вынуждала сама жизнь.

Но в этот раз Юаньдин не чувствовал тяжести. Два ребёнка крутились у очага, лишь дожидаясь, когда солнце поднимется в зенит, чтобы приподнять крышку котла и попробовать редкое угощение. Прежнее дежурство в холоде, голоде и безысходности сменилось ароматом еды и мягким теплом очага.

И это навсегда оставило в их жизни новый след.

<http://bllate.org/book/13502/1265674>